

ЮБИЛЕЙ

ПРИЗВАНИЕ ХУДОЖНИКА

© 2005 В.М. Акаткин

Воронежский государственный университет

Столетие Шолохова интересно и важно прежде всего тем, что оно напоминает нам о бесконечном разнообразии, мощи и непредсказуемости природной и человеческой жизни, о всемогуществе таланта, о долговечности слова, подсказанного творческим самозабвением. А между тем все отчетливее видно, как трудно стало современному художнику состязаться с жизнью, осилить, одолевая ее словом и образом и при этом не убивать ее живой целостности, ее разноцветия и разноголосия. Однако не легче найти для великого художника равновеликого ему читателя. Нас воспитали на осколочках, на частностях, на частных идейках и приемчиках, и много ли теперь таких душ, которые способны вобрать в себя бесконечные художественные миры русских классиков? Все подвергается охаиванию и сомнению, все стараются раздробить и снизить, перерезать вены и жилы, обвалить в грязи, чтобы прописать: ничего великого и цельного быть не может, никакого творения не ожидайте — одна интертекстуальность, ирония и пародия. Нет, господа древоточцы, если великое устояло под бурями, вам не свалить его своим дыханием.

Споры о Шолохове достигают порой такого же накала, как и борьба разнородных сил в его произведениях. И кто в этих спорах прав, кто не в ладах с правдой, обнаружить не так-то просто. Однако в них есть два края, за которые преступить нельзя: жизнь и творения самого Шолохова. Они отбрасывают правду мелочную, суетную, спекулятивную и принимают любую другую правду, если даже она беспредельно широка, кровава и страшна. Но только непредвзята, только без хитрого умысла.

Народ не обижается на шолоховскую правду, потому что она понимающая, потому что она — откровение Божье. Сколько бы нравственных изъянов ни обнаруживали в Мелехове, а осудить его каким-либо судом невозможно. Более того, мы очарованы им, как и сам автор. Почему? Да потому, что все поступки

Григорий совершает в порыве сердца и все они обусловлены сотней причин и следствий, чаще всего он просто не может поступить иначе и раньше всех казнит себя. Да мы и сами готовы броситься с ним в сабельную атаку на кажущееся ему зло или, наоборот, пустить под лед карбин и последние рассыпные патроны перед новым неведомым злом: будь что будет.

Мелехов побывал среди своих и чужих, автор свел его со всеми силами и сословиями, он посылал его всюду, чтобы увидеть и услышать всех, а не отдельных, не избранных. Для многих Шолохов попросту необозрим, неохватен, не постижим — отсюда нападки на него, всевозможные обвинения героев и самого автора. Что ж, проверим себя на смотру столетнего юбилея: что подумаем, что скажем, чем себя озадачим?

Художником, полагал М. Шолохов, имеет право называться тот, кто направляет всю силу своего таланта “на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества” [1, 357]. Однако путь к созиданию прекрасного только один — правда искусства. Жизненное призвание художника, по Шолохову, “говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее” [1, 357]. В своей Нобелевской речи, лишенной какого бы то ни было заигрывания перед силами распада и эпатирующих свобод, Шолохов твердо и прямо говорил: “Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив” [1, 358].

Лелея в душе подобные намерения, а тем более неуклонно реализуя их, писатель невольно обрекает себя на трудное, трагическое поприще, потому что правда всегда горька и жгуча, а прекрасному нелегко соответствовать — планка его

высока, оно призывно и требовательно и просвечивает тебя насквозь, как рентген. Искусство слова — это не только послушное подражание природе, не только предмет восхищения и потребления прекрасного, но и проверка читателя на подлинность и полноценность, на глубину и человечность, однако эта проверка не всегда нравится нам. Шолохов проверил своим орлиным взором все великие события XX века, всю душевную и кровавую муть, поднятую ими на русской земле, все подвиги и падения человека, вовлеченного в их круговорот. Именно за высочайшую художественную правду, за “бескомпромиссное изображение человека XX века” была вручена ему Нобелевская премия в 1965 году.

Из выживших советских писателей у Шолохова едва ли не самая трагическая судьба, хотя многим она кажется абсолютно благополучной и лучезарной. Его почетные звания и награды просто трудно перечислить, однако официальный шум вокруг его имени, словно заградительная стена, скрывал его и от широкого читателя, и от любопытствующих правдоискателей. На всем его творчестве, в особенности на его имени, скрестились главные противоречия времени, правда и ложь XX века; поистине, трещина мира прошла и по его душе, и по его судьбе. У этого русского гения нашлись свои дантесы, многие десятилетия они источали его дух и тело, не сумев убить прицельной пулей на дуэли. В истории культуры черным по белому начертана трагедия Сальери, якобы убившего ядом гениального Моцарта, наше время прибавляет к этому трагедию Шолохова, якобы укравшего у кого-то “Тихий Дон”. Этих обокраденных насчитывается уже больше десятка, что красноречивее всего говорит об абсурдности подобных обвинений. Но дело в том, что бьют не только по укравшему, но прежде всего по великому роману XX века, доказывая его

неорганичность, разностильность и просто поспешную слепленность из фрагментов, принадлежащих перу нескольких авторов.

Многим ослепила глаза шолоховская правда, многих взбесило его величавое эпическое слово, поразительный писательский взлет автора. Все в нем кажется им незаконным: молод, малообразован, русский, казак, а написал поистине Илиаду XX века, написал правду обо всех, правду, которую пытаются оспорить и красные, и белые. Отсюда и ненависть, и сальериевская зависть, и тупое непонимание.

Известно, нет пророка в своем Отечестве. Самые убийственные оценки, самые злобные высказывания в адрес Шолохова прозвучали в его родной стране (А. Солженицын, В. Астафьев), а убедительнее всех защитили его за рубежом, на чужбине (Г. Хьетсо, Г. Ермолаев).

Драма Шолохова, разумеется, не только в пресловутом и уже развенчанном плагиате. Это прежде всего драма художника-реалиста, со всех сторон теснимого агрессивными волнами постмодернизма, драма гуманизма и человекоцентризма, атакуемых механистической цивилизацией и крикливой мировой эстрадой. Шолохов, как никто в мире, противостоит дроблению человека и мира, опошлению поступков и помыслов, преобладанию “тьмы низких истин” над божественным смыслом земного бытия. В нем правда жизни, правда человеческих поступков и переживаний и правда слова равновелики и содружны, работа бытия и духа образовали такой могучий союз, который неподвластен никаким ядам, никакой агрессии...

ЛИТЕРАТУРА

1. Шолохов М. А. Живая сила реализма / М. А. Шолохов. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8.

Рецензент — Г. Ф. Ковалев.